

№ 203

Въ сегодн. № 6 стр.

Среда, 14-го сентября 1911 года.

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Чеховъ въ Сибири.

Въ очередной 21-й книжкѣ „Новаго“ Чехова, готовящейся къ выходу въ свѣтъ, говоритъ „Рѣчь“ находимъ очерки Чехова „По Сибири“, икоторыя странички которыхъ представляютъ большой интересъ. Вотъ напр., художественные образы переселенцевъ:

„Обгоняемъ двѣ кибитки и толпу мужиковъ и бабъ. Это переселенцы.

— Изъ какой губерній?

— Изъ Курской.

Позади всѣхъ плетется мужикъ, не похожій на другихъ. У него бритый подбородокъ, сѣдые усы и какой-то непонятный клананъ позади не сермягѣ; подъ мышками двѣ скрипки, завернутыя въ платки. Но не спрашивать, кто онъ и откуда у него скрипки. Непутевый, хворый, чувствительный къ холоду, равнодушный къ водочкѣ, плохой рабочій, всю свою жизнь прожилъ онъ лишнимъ, ненужнымъ человѣкомъ сначала у отца, потомъ у брата. Его не отдѣляли, не женили... Нестоящій человѣкъ! На работѣ онъ заблудъ, хмѣлѣлъ отъ двухъ рюмокъ, болталъ зря и умѣлъ играть только на скрипкѣ да возился съ ребятами на печкѣ. Игралъ онъ и въ кабацѣ, и на свадьбахъ, и въ полѣ, и, ахъ, какъ игралъ! Но вотъ братъ продалъ пабу, скотъ, и все хозяйство и идетъ съ семьей въ далекую Сибирь. И бобыль тоже. Идетъ — дѣлать-ся некуда. Беретъ онъ съ собой и обѣ скрипки... А когда придетъ на мѣсто, станетъ онъ заблудъ отъ сибирскаго холода, зачахнетъ и умретъ тихо, молча, такъ что никто не замѣтитъ, а его скрипки, заставлявшія когда то родную деревню и веселиться и грустить, пойдутъ за двугривенный чужаку-песарю или сильному; ребята чужака оборвутъ струны, сломаютъ кобылки, нальютъ внутрь воды... Вернисъ, дядя!

Переселенцевъ я видѣлъ еще, когда плылъ на пароходѣ по Камѣ. Помнится мнѣ мужикъ лѣтъ сорока съ русой бородой; онъ сидитъ на скамьѣ на пароходѣ; у ногъ его мышкы съ домашнимъ скарбомъ, на мышкахъ лежатъ дѣти въ ланоткахъ и жмутся отъ холоднаго, рѣзкаго вѣтра, дуящаго съ пустыннаго берега Камы. Лицо его выражаетъ: „Я уже смирился“. Въ глазахъ про- нѣ, но эта пронѣ устремлена во-

януть, на свою душу, на всю прошедшую жизнь, которая так жестоко обманула.

— Хуже не будеть!—говорить онъ и улыбается одной только верхней губой.

Въ отвѣтъ ему молчишь и ни о чемъ не спрашиваешь, но черезъ минуту онъ повторяетъ:

— Хуже не будеть!

— Будетъ хуже!—говорить съ другой скамьи какой-то рыжий мужиченко-переселенецъ съ острымъ взглядомъ.

— Будетъ хуже!.

